Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Остров семи ветров. Часть 11

Зоя отдернула импровизированный занавес, отделявший нас от отстальных, и под аплодисменты провозгласила: «Слава ладушкам! Слава садовникам! Да осветит ярилино пламя ваш союз!» Она водрузила нам с Дашей на головы купальные венки из ивана-да-марьи. Нас окружили поздравляющие. Меня обнимали и расцеловывали. В этом вихре обнимашек и поздравлений я почувствовала какой-то оттенок нарастающей бесшабашности женщин и разудалости мужчин. Мы словно с каждым следующим поздравлением постепенно отходили для окружающих на второй план и роль приглашенных наблюдательниц предстоящих валяний. Я заметила, что некоторые женщины стали как-то группироваться, становясь поближе к наиболее привлекательным мужчинам. Мужчины же просто стояли на месте, ожидая их выбора.

Последней поздравляла нас Зоя. Потом обернувшись к собравшимся, она провозгласила: «Валяния по первому кругу!» Все вокруг пришло в движение. Женщины быстро касались рукой груди мужчин, где сердце, и говорили им: «Я твоя!» После чего пара ложилась на одно из импровизированны лож из парусины поверх копны травы и начиналось соитие. Ночь наполнялась все новыми стонами наслаждения, которые иногда даже сочетались в что-то вроде общего крика неистовования. Во всем этом чувствовалось что-то дикое, первобытно-необузданное и первозданное. Зоя отошла от нас к тем женщинам, которым не хватило пока пары.

— А что такое валяния по первому кругу? — спросила я Дашу.

— В первом круге мужчины должны сдерживать свое семя, пока не будут по одному разу удовлетворены все женщины, — пояснила она мне.

— Будет и второй круг?

— Да, но тогда уже такого ограничения для мужчин не будет. В первом круге соития происходят ради общего блага и выбору наиболее проворных женщин, которым мужчина не может отказать. А во втором круге все происходит уже исключительно по взаимному выбору без всякой спешки. И в первом круге не участвует урядница — ведь она должна распорядиться так, чтобы ни одна женщина не оказалась обойденной. Зато во втором круге урядница будет самой желанной и фактически у нее, можно сказать, нет права отказа в ласках никому из желающих быть с ней. На валяниях второго круга в ночь на Ивана Купалу урядница как бы играет роль матки плодородящего роя. Так что Зое придется нелегко. В первом круге, который должен закончиться до полуночи, могут быть только пары «мужчина-женщина», а во втором круге — уже после полуночи могут быть и трио, и квартеты, если это кому по душе. В общем, во втором круге народ расходится кто во что горазд. На Ивана Купалу самое разгульное валяние в году, потому что это ночь, когда открываются небеса. В Купальскую ночь разрешены действия, запретные в остальное время года. Второй круг валяний прерывается, как только начнет брезжить рассвет купального утра.

— Интересно, а выбирает ли кто-то на валяниях своего супруга или супругу?

— Ну по крайней мере один такой эпизод ты скоро увидишь.

— Ты о чем это?

— Если в ночь на Ивана Купалу происходит инициация двух или более ладушек, то во втором круге родители ладушек должны сочетаться в общих ласках. Но поскольку твоей мамы сейчас

нет, то будет не квартет, а трио.
— Признаться я совершенно не могу себе представить свою маму в такой ситуации. Она слишком правильная.
— Ох, в том что касается поведения женщин, никогда не стоит говорить «никогда»...

Чтобы не стоять на месте, мы с Дашей стали неспеша обходить все сочетающиеся пары.
— Видишь вот ту блондинку, которая сейчас с мужем Зои? Это моя классная руководительница, я сама ее впервые в таком виде вижу, — шепнула Даша.
— Ничего себе расклад! И какие у тебя с ней отношения?
— Вполне хорошие и совершенно обычные. Мы же с ней никогда не разговаривали на темы, связанные с общиной. О том, что она в нашей общине, мне только в восьмом классе сказали. Я еще тогда подумала: вот будет прикольно, если на моей инициации будет моя классная. Ну вот так и получилось.
— Ну у вас и интересные расклады отношений в школе могут быть...
— Ее муж тоже у нас школе преподает биологию и географию. Он просто фанат ботаники. У себя в саду разводит только те плодовые деревья, которые упомянуты в Библии: виноград, терн, маслины, гранат, инжир, миндаль. Даже финик дома выращивает.
— Ну, наверное тогда, и яблоню как древо познания и искушения...
— А вот было ли это это дерево яблоней, — это как раз неизвестно. Яблоко как символ греха появилось уже в более поздних переводах Библии уже на европейские языки. В изначальных текстах Библии на дневнееврейском яблоня не упоминалась. Возможно даже, появление яблони в европейских переводах — это некоторое отражение древнегреческого эпоса о «яблоке раздора», которое перессорило Афину, Афродиту и Геры, став косвенной причиной Троянской войны.
— А муж твоей классной тоже сейчас здесь?
— Конечно. И он весьма популярен у наших женщин. Очень обходительный мужчина.

В некоторых совокупляющихся парах началась смена партнерши. Мужчины уже не сдерживали себя и изливали свое семя. Скоро все участники валяний по первому кругу разрядились и собрались вокруг костра, у которого стояла Зоя. Мы с Дашей тоже встали в круг. «Сейчас будет заговоры», — шепнула мне Даша. Зоя бросила в огонь щепотку соли, вспыхнувшую ярко-желтым пламенем и стала нараспев говорить речетатив:
Открой врата томления души, Ярило возроди костёр в крови Ярило бог Безудержно весений и прекрасный стремительно пронзит любое сердце страстью Он в ярком свете сам погибнет за любовь Войдёт в тебя, чтоб прорасти и возродиться вновь! Куда Ярило взглянет там рожь, пшеница встанет Где пройдёт любой посев взойдёт Истинно!
Все за Зоей повторили: «Истинно!»
Птица не долетит, зверь не добежит, Змея не вползёт, палач не подойдёт, Суд не возьмёт, колдун дел моих не откроет, Сия молитва меня укроет, дьявол душу не отберёт. Вода не потопит, огонь не сожжёт. Святый Иван, твой день, твоё число, И чтоб так же слово и дело моё не подвело. Истинно!
Все за Зоей снова повторили: «Истинно!»
Как банный лист к телу лепок, Так ты мой муж будь до меня цепок. Лепись, крепись, во веки веков не отцепись! Слово мое крепко! Тело мое лепко! Истинно!

Мы в третий раз повторили за ней: «Истинно!»
После того, как Зоя нас всех попотчевала поднесенным Митричем отваром из собранных нанануне целебных трав, началось веселье и прыжки через небольшой костер. Я боялась прыгать через пламя. Но Даша меня все-таки уговорила и мы прыгнули вместе, держась за руки. Это был словно миг очищения души в полете. Я совсем расхрабрилась и прыгнула еще два раза уже в одиночку. Попав в последний раз в крепкие объятья папы. «Все хорошо, малыш?» — шепнул он мне. Вместо ответа я лишь расцеловала его. Митрич вынес и разложил на парусине виноград и фрукты, пригласив всех подкрепить силы перед вторым кругом. Даша шепнула мне: «Между прочим, Митрич три года назад на Ивана Купалу инициировал свою внучку. У него сын погиб во вторую чеченскую войну и Митрич оказался единственным мужчиной в роду. Так что пришлось ему выступить в роли отца ладушки!» Я только подивилась тому, как удивительно порой могут складываться обстоятельства жизни.

Вскоре Зоя объявила валяния по второму кругу. Мама Даши, взяв за руки дядю Володю и моего папу, вышла на парусиновое ложе, соединенное из двух лож, на которых происходила наша инициация. Она начала стоя целоваться с обоими мужчинами, а потом дядя Володя предоставил свою жену поцелуям моего папы. Затем папа «вернул» маму Даши ласкам законного мужа и после этого они все опустились на парусину и началось соитие втроем. Я в первый раз видела такое в реальности и жадно смотрела. Впрочем, очень быстро мы с Дашей остались единственными наблюдательницами секса наших родителей. Потому что ни одно парусиновое ложе не пустовало. А более всего не пустовало ложе Зои, на котором почти все время было трио, а не пара. Удовлетворившегося мужчину или удовлетворенную женщину быстро сменяли следующие желающие. На грудь Зои или в ее ротик излили свое семя почти все присутствовавшие мужчины, включая и моего папу. В энергетике этого безумства страсти вокруг Зои чувствовалось что-то сакральное и нечто большее, чем простое желание сексуально разрядиться. Когда я сказала об этом Даше, она ответила мне:
— В Древней Греции слово «оргия» первоначально означало коллективное причастие для очищения души верующих в бога Диониса. И лишь уже позднее стало употребляться в нынешнем, прагматическом значении в смысле плотских утех с кем попало.
— Интересно, а слово «оргазм» тоже такого же происхождения что и «оргия»?
— По созвучию похоже, что оба эти слова происходят от древнегреческого «наполняться страстью», которое вовсе не обязательно было связано с эротическими смыслами. Кстати, о таинствах зачарованной ночи. Пойдешь сейчас со мной искать цветок папортника? А потом мы присоединимся к молодежи и покатаемся по росе.
— Конечно, пойду. Только разве цветок папортника существует на самом деле?
— Это смотря как посмотреть. Если с точки зрения ботаники, то цветка папортника быть не может хотя бы потому, что первые цветы у растений появились на 150 миллионов лет позже, чем первые папортники. А с точки зрения образа магического цветка, дарующего ясновидение сорвавшему его ровно в полночь на Ивана Купалу, то в наших купальных обрядах цветком папортника считается любой дикий цветок, который раскрывается ночью и закрывается утром. В наших местах это пролески, которые открываются на несколько часов перед самым рассветом. Тут у нас некоторый отход от традиции искать цветок папортника именно в полночь. В полночь наши пролески еще закрыты.
— Ну что ж, даже видимость чуда чудесна для того, кто ждет чуда, — улыбнулась я.

Даша пошла к палатке, где мы оставили наши вещи. Вернулась она, держа в одной руке фонарь-подсвечник, а в другой — туесок из бересты. Мы зажгли свечу в фонаре от костра и пошли в темноту, ориентируясь на костер вдалике. Даша то и дело приближала фонарь к траве, высматривая в ней цветы. Наконец она вскрикнула: «Нашла! Их тут целая полянка!!!» Я присела и почувствовала идущий от травы чуть шафрановый аромат. «Как похожи на подснежники!» — удивленно сказала я и протянула было руку. Но Даша остановила меня: «Все нужно делать по ритуалу». Она достала из своего туеска нож с серебрянной ручкой, очертила им вокруг себя и меня круг. Потом прикоснулась к выбранному цветку со словами: «Как ты цветешь, цветочек, так и в моей душе пусть будет расцвет». После того, как я повторила вслед за ней эти слова, Даша быстро сорвала цветок, положила его вместе с ножом в туесок, сунула туесок мне в руки и крикнула: «Бежим не оглядываясь!» Мы побежали, пока не оказались на тропинке, ведущей к костру.

Наше появление у костра тут же ознаменовалось радостными возгласами Лены: «Ладушки пришли!». Нас снова окружили с поздравлениями девочки, девушки, мальчики и парни с купальными венками на голове. Даша представила мне всех собравшихся в самых восхвалительных выражениях. «Я что-то не вижу Маши, не знаешь где она? — спросила Даша Лену про сестру. Та сказала, что Маша пошла искать цветы папортника с Максом и Костей. И действительно, скоро к нам к нашему костру вышли из темноты все трое. Причем на головке полунапряженного стебля Костика поблескивала в отсветах костра капелька спермы. Мы с Дашей на это лишь выразительно переглянулись между собой. «Скоро светать уже начнеть. Пойдем и мы немного погуляем», — предложила я ей.

Костик было увязался за нами, но мне хотелось побыть наедине с Дашей. Мы прошли к берегу лимана и стали любоваться лунной дорожкой. Ощущение было, словно мы в сказке. Словно можно вместе побежать по этой дорожке к манящей луне в мир, в котором нет ни прошлого, ни будущего времени. Мир, в котором никто не расстается. Мы просто стояли молча обнявшись, соприкасаясь лицами и гладили друг друга, не пытаясь возбудить. Мы были частью огромного мира и мы были всем этим миром. И нам ничего не было нужно, кроме этого ощущение близости и понимания.

Но время не остановилось. Позади нас было еще ночное море, но светлое пятно над берегом уже начало пробиваться вверх. Подул легкий ветерок. В кустах паслена завозились и заверещали какие-то птахи. Наконец на небе показалась всполохом ослепительная каемка солнечного круга. «Нам пора идти к ребятам. Катания по росе нужно начинать, пока солнце не оторвалось от горизонта», — сказала Даша. Солнечный диск сиял все ярче навстречу нам, наполняя утро силой.

Мы встали в общий круг, взявшись за руки и каждый словно сосредоточился внутри себя: «Земля-матушка, умой нас росой животворной, укрепи силою своею!» Воздух вокруг нас как будто застыл. Потом наши руки разомкнулись и все стали разойдиться в стороны на простор. Один за другим, разом, как будто вдруг потеряв силы, валились на сверкающую капельками росы траву и начали по ней кататься словно в экстатическом забытьи. Я поначалу чувствовала зябкость от мокрой травы, но умывшись росой, преодолела себя и стала перекатываться, понемногу входя словно в транс от капелек, переливающихся всеми цветами радуги. Ощущения изменились, стали бодрящими от притока сил. Так продолжалось минут десять, а может быть и больше, потому что я потеряла счет времени. Эта перемещающаяся картина моего вращения между солнцем в небе и сырой землей давала мне какую-то важную опорную

связь мира.

Накатавшись по росе, я просто лежала, глядя в высокое небо. Пока Даша не подала мне руку, чтобы я поднялась. Мы снова водрузили на свои головы купальные венки. Тут я обратила внимание, что наши купальные венки отличлись от тех, что были на всех других, и спросила Дашу: «А что, венки из ивана-да-марьи полагаются только ладушкам?» Она подтвердила мою догадку и рассказала легенду о том, что давным давно встретились и полюбили друг друга парень по имени Иван и девушка по имени Марья. Они поженились. Все удивлялись их красоте и похожести друг на друга. И однажды они узнали, что на самом деле они единокровные близнецы: брат и сестра. В отчаянии от этого известия они решили уйти из земной жизни и стать цветком, чтобы никогда не разлучаться. Иван бросился в огонь и стал ярко-желтым соцветием, а Марья бросилась в реку и стала иссиня-фиолетовыми лепестками, оттеняющими огонь в воплощении мужа-брата. Так и стал цветок иван-да-марья магическим, символизирующим союз огня и воды.

Все вокруг разбрелись собирать купальные травы. Я спросила Дашу, какие именно травы считаются купальными и что мне искать. Она с улыбкой продекламировала мне свое собственное стихотворение:

Рано утром на Купалу все как есть — молодцом: Я с сестрой и с нами мама, с мамой папа — «огурцом»! По июльскому туману босиком — нагишом Побежали в луг за рощей взапуски — прямиком. Вот и луг: за руки взялись, встали вкруг — всей семьёй Заговоры прочитали над Ивановской росой. Зверобой, Чабрец, Душицу надо знать — распознать Быстро в веники тугие всё собрать — увязать. А потом в траву с разбегу забегай и ныряй И валяйся, кувыркайся, не ленись, не плошай. Толстым веником душистым, ублажай — обвевай. Вот другие подоспели: хохот, визг, детвора Наша тётя с сыновьями — это папина сестра. Мы с сестрой в траве братишек ну катать — кувыркать И купать в росе холодной, и хлестать — овевать. Но не просто взять мальчишек — повалить их ничком, Ловко вениками машут — и «морковочки» торчком! С ними ловко управляюсь: так борюсь, так дерусь, Низ животика и грудки прикрываю — верчусь. Папа маму взял на руки, скрылся с нею в паслён И сестра за ними следом: там и охи и стон После, тётушка — туда-же, как-же ей отставать! Нам домой идти велела и крапивы нарвать. Мы рванули через поле нагишом — налегке; По дороге искупались все втроём в роднике; И управились с крапивой через пол мы часа... Вот такое «Джулай Морнинг» и «Иванова роса»! — В общем, собирать можно зверобой, чабрец, душицу, крапиву. А еще папоротник, землянику, иван-да-марью, чертополох, подорожник, лютик, полынь — подытожила Даша.

После сбора купальных трав мы пошли к машинам, где нас с Дашей уже поджидали.

— Костя решил ехать вместе с молодежью — так что вам просторнее в машине будет. После купания в росе будете спать как малые дети. Вас куда везти — в пансионат или к нам? — спросила Зоя.

— В пансионат, я думаю, — ответил папа.

Мы уселись и скоро выехали на шоссе ведущее к Ейску. по мере отдаления от ракитового куста папа становился все задумчивее. Посмотрев на него, Зоя вдруг поинтересовалась, кто наша мама по профессии.на свежей травке на много лет вперед и мне пора в свою семью.

— Словом, папа, ты решил остепениться и перестать быть бабником...

— Зря иронизируешь. Между прочим, это не так легко даже с точки зрения мужского общественного мнения. Тем более, для моряка. Ведь нам вроде бы как полагается пить все,

что горит, и совокупляться со всем, что движется. А не следишь маслянными глазками за каждой юбкой — вроде бы уже и невполне соответствуешь системе ценностей своей мужской кампании.
— Сколько лет тебе удалось продержаться 100%-но верным мужем?
— Ну это как считать. Когда тебе было 8 лет, я был в командировке в Сибири и встретил там по работе удивительную молодую женщину. Удивительную своей красотой и внутренним благородством. Ее предки были видными польско-литовскими князьями — один из представителей ее фамилии один раз даже стал королем Польши. Ну а в Сибири ее дед остался жить, пройдя через ГУЛАГ. Она недавно развелась и у нее была пятилетняя дочка. Я понял, что не на шутку увлекся ею, когда обнаружил что ревную ее ко всем мужчинам, с которыми ее вижу. Она почти все время стояла у меня перед глазами как наваждение, от которого невозможно было избавиться. Нас очень сильно тянуло друг к другу. И в то же время я осознавал, что мой маленький шажок к ней станет огромным шагом в направлении от мамы. И только это меня удерживало.
— Ты не решился?
— Знаешь, я решил своего рода кинуть «орел-решку». Перед самым концом командировки я пригласил ее в самый шикарный ресторан города. Она сказала, что сможет пойти только если уговорит свою подругу посидеть с дочкой, пока сама не вернется из ресторана. Подруга согласилась — только поставила условие, чтобы она вернулась домой не позже половины десятого вечера, ей же самой нужно было вернуться к мужу и детям не слишком поздно. Пожалуй, это был самый деликатный ужин в моей жизни. Мы общались почти как дипломаты, избегая острых тем, которые могли бы нарушить сложившееся положение в ту или иную сторону. Нам обоим это давалось нелегко.
— Вы танцевали?
— Да, танцевали. Но все было ислючительно в рамках предельно уважительного приличия. Потом я проводил ее до ее квартиры. Дверь открыла ее подруга, она сказала, что дочку ни в какую уложить не удалось — та требовала, чтобы поскорее пришла мама. Моя полька повернулась ко мне с таким пронзительно-прощальным взглядом, который я наверное никогда не забуду. И мы расстались навсегда.
— Наверное, тебя судьба оберегла тогда и сохранила для нас с мамой.
— Я был тогда на волоске от того, чтобы нарушить верность. Я не знаю, как сложилось бы ситуацию, если бы подруге удалось уложить девочку спать раньше нашего прихода. Я отчетливо понимал это на пути в гостиницу. В общем, — это был первый серьезный «звоночек» мне по такому поводу. Несерьезных «звоночков» от записных кокетниц было всегда сколько угодно, но тут я оказался наедине с чем-то таким, что было выше обыденности отношений.
— А потом был второй «звонок»...
— Ты догадлива, малыш. Это было еще через три года. Я ехал на поезде в командировку. Из Москвы выехали вечером, в купе нас оказалось только двое: я и женщина немногим лет за тридцать средненькой, пресноватой внешности. До поры до времени все было совершенно обычно. Но только после того как она попросила меня выйти для того чтобы переодеться ко сну, она вдруг предложила мне переспать с ней. Сказала что хочет ребенка и что даже готова заплатить мне, чтобы я с ней переспал. Я от такого предложения просто онемел поначалу. Пробовал отшутиться, что гусары денег не берут и что вообще-то я женат. А у нее буквально

началась истерика.
— Ничего себе — поворот...
— Она рыдала в подушку и никак не могла остановиться. А я боялся, что ее плач услышат в соседних купе и сообщат проводнице, а та уже дальше — поездному наряду милиции. В воображаемой ситуации я не исключал, что она вполне могла обвинить меня в попытке изнасилования, чтобы выгородить себя. Ведь свидетелей нет и никому ничего не докажешь. В общем, я попал как кур в ощип. Просто уйти на какое-то время из купе было чревато нарастанием рыданий. Я решил остаться и как-то попытаться ее успокоить. Сел на ее полку и стал гладить ее рыдающую по спине. Она развернулась ко мне и попыталась меня обнять. Я предложил ей копромиссное решение: мол, я все сам сделаю руками, чтобы она кончила и успокоилась — а она не должна пытаться меня раздевать и целоваться со мной. Она кивнула и вскоре я ее довел рукой до оргазма. И как раз вовремя — приближалась большая станция, на которой в наше купе зашли еще два пассажира. Чему я был только очень рад.
— Ну, папа, ты весьма достойно выпутался из этой непростой ситуации.
— Тем не менее, она не прошла для меня рядовым эпизодом поездной жизни. Да, конкретно эта женщина абсолютно не была эротически привлекательной. И это помогло мне выпутаться. Но если на ее месте тогда оказалась бы, женщина или девушка, напоминающая мне ту мою польку? Вот тут я уже совершенно не был уверен за свое «правильное» по отношению к маме поведение. А какой-то уверенности в соблюдении правил игры очень хотелось.

— И что же ты решил в итоге? Придумал для себя новые правила?
— Я для себя назвал их «ежегодной вакцинацией». Потому что решил, что у меня право на физическую, но не на психологическую измену маме — не чаще чем на один эпизод в год с одной женщиной. Без повторений и продолжений, романов на стороне и так далее. Если наступило 31 декабря и возможность не использована, но она сгорает и на следующий год в накопление не переходит. Само собой разумеется, что такие редкие эпизоды могут быть только с в чем-то неординарными для меня женщинами. Причем, эти женщины ни в коем случае не должны претендовать на меня как на регулярного любовника или уже тем более как на мужа. Если женщина увлекалась мною или открывала на меня охоту как на потенциального любовника, я сразу же дистанционировался от нее как от угрозы для моей семьи. Потому что быть охотником — это мужская роль, которую я в отношениях никакой женщине не уступлю. Так что сразу тебе скажу, что почти половина из прошедщих с того времени лет оказались незаполненными с точки зрения секс-эпизодов на стороне. Зоя стала шестой. А за сегодняшнюю ночь валяний у меня после тебя было пять женщин. Вот теперь ты знаешь всю мою ловеласную историю. И мне сейчас очень хочется эту ловласовскую историю оборвать на случившемся. Я сейчас чувствую себя виноватым перед нашей мамой, и прежде всего из-за того, что было у нас с тобой.
— Это было не только твое решение, но и мое. Это я выбрала тебя своим первым мужчиной.
— Ах, малыш, мне сейчас от этого не легче. Меня совесть перед мамой грызет за все наши с тобой приключения в Ейске. И я боюсь, что она это почувствует. Ты же знаешь, что у нее бывает очень мощная интуиция. Она с ее характером вполне могла бы и следователем работать, а не учительницей.
— Скажи, а у мамы был сексуальный опыт до тебя?

— Какой-то опыт у нее был, но я намеренно не спрашивал ее об этом. Потому что тогда бы у нее возникало право расспросить меня об моем богатом холостяцком опыте. В общем, мы с мамой как-то тогда замяли эту тему.

В общем, я старалась чтобы папа максимально выговорился о том, что его заботит. Расспросила его поподробнее о тех пяти женщинах, которые были до Зои. Чем каждая из них запомнилась и почему он выбрал именно их. Рассказ папы о том, чего не должна была знать мама, стал для меня некоторым откровением видения отношений глазами мужчины. Я стала лучше понимать отношения в нашей семье. Папа сказал, еще что он много лет жил «на стороне» по правилам, которые сейчас уже явно не годятся. А какими правилами руководствоваться ему дальше, он не знает и сейчас у него только одно желание — прекратить эти ставшие для него мучительными игры и быть верным своей семье. Мы договорились, что не будем напоминать друг другу о том, что произошло последние три дня между нами. Просто будем жить так как будто ничего не было. Как будто все это нам приснилось.

На утро на перроне вокзала нас провожала целая представительная делегация — Зоя, Костик, Макс, Даша, Лена и Маша. Мы с девчонками, как водится, немного всплакнули по поводу расставания. Все было очень трогательно, обнимательно и украдко-целовательно. С Дашей было особенно грустно расставаться. Папа с Зоей вели себя сдержанно, с улыбкой наблюдая за нашими взаимными вздохами. Расставаясь, Костик и Макс взяли с меня обещание обязательно как-нибудь еще увидеться. А Зоя, обнимая меня, сказала: «Я желаю тебе мудрости, терпения и понимания. Тебе это дано. А значит, все у вас в семье сложится так, как ты сама захочешь».

Поезд медленно, словно нехотя, тронулся с места, увозя нас в московскую жизнь. Вот уже и нашего Острова семи ветров не видно из окна. Вот мы уже и проехали поворот с шоссе на место ракитового куста. По перестук колес Ейск удалялся из нашей жизни, перевоплощаясь в удивительное воспоминание о лете и ласковом море.